

Ник Карпин
Последний мамин урок

Непридуманная повесть

Николай Карпин

**Последний мамин урок.
Непридуманная повесть**

«Издательские решения»

Карпин Н. И.

Последний мамин урок. Непридуманная повесть /
Н. И. Карпин — «Издательские решения»,

Увы, всех нас ждет старость. В документальной повести «Последний мамин урок» содержится уникальный опыт, как поддержать последние дни теряющего память близкого вам человека и при этом не потерять себя.

Содержание

2008 год	7
2009 год	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Последний мамин урок

Непридуманная повесть

Николай Иванович Карпин

Обстоятельства не творят человека. Они просто раскрывают его самому себе.

Греческий философ Эпиктет

© Николай Иванович Карпин, 2015

Корректор Татьяна Исакова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему я решился написать о последних днях своей матери?

Старость представлялась мне благообразной, мудрой.

И вот на моих глазах угасает родная мать, которую, казалось, я знал едва ли не лучше ее самой.

Реальность перечеркнула самые смелые представления. Те душевные страдания, которые пережил я, моя семья при каждодневном общении с родным человеком, с трудом поддаются переосмыслению.

В преданиях многих народов мира более молодые, а следовательно, более жизнеспособные люди сталкивают своих стариков со скалы, топят их в воде, убивают дубиной по голове, живыми уносят на лубках в лес; словом, всеми способами избавляются от них. Оказывается, старый бессильный человек во все времена был в тягость семье, роду.

Тонкий знаток человеческой души Мишель Монтень в книге «Опыты» к порокам старости отнес лживость, притворство, жадность, прожорливость, вороватость, неряшливость.

После всего случившегося на моих глазах с ним трудно не согласиться, и не стоит оболыщаться по поводу собственной старости. Это во-первых.

Мне казалось, что человек, доживший до глубокой старости, в конце концов устаёт от жизни и на последнем этапе Смерть – желанная ему Гостья. Нет и еще раз нет!

Человек – Дитя Природы, он до последнего дыхания страстно цепляется за жизнь, если, конечно, его дыхание не отравлено винными парами, наркотиками, тяжелыми психическими расстройствами. Так устроена наша сущность. В том нет ничего противоестественного. Как раз в попытке задержаться на белом свете заложено здоровое начало ЧЕЛОВЕКА.

И еще безумно хочется укрепить память о своей маме. Ведь «там, где память, смерти нет». В своих воспоминаниях поставить рядом с мамой самых близких ее подруг Настю Силину, Раю Шишалову. С ними мама никогда не прерывала дружбы, и их до конца жизни маме не хватало, потому что подруги умерли гораздо раньше. Она часто вспоминала о них, особенно в последние дни жизни.

Эти несколько последних лет не вправе бросить тень на мамину жизнь, полную мужественных поступков и решений. Испытаний, выпавших на мамину долю, хватило бы не на одного человека. Приведу лишь один пример материнского самопожертвования и любви. В далеком теперь 1988 году, узнав, что ее старший сын, проживавший в то время в г. Горьком (Нижний Новгород), ушел из семьи, живет где попало, спивается, мать без раздумий кинулась спасать его. Нашла, оторвала сына от криминальных дружков, привезла домой. Потом 20 лет до самой его смерти кормила, обстирывала, заставляла работать, в надежде, что старший сын возьмет себя в руки.

Сильная духом, мать вынесла все испытания, посланные Судьбой. Трудно представить, что она пережила, когда одна растила троих сыновей, подняла их на ноги, а затем двоих из них потеряла. Скажите на милость, какой разум не помутится после этого? Но даже незадолго до смерти в проблесках ее памяти всегда угадывалось не навредить своему последнему сыну.

Эти несколько лет тесного общения с ней заставили переосмыслить прожитое. Существует ли бог на свете, такой, каким его представляет большинство людей? Я стал задаваться таким вопросом. Не знаю, что и сказать. Государство под названием СССР воспитывало своих граждан атеистами, и материя для меня первична. И все же некий неразгаданный Вселенский Разум, некий Феномен, определяющий наши судьбы, существует. Так, по крайней мере, мне показалось.

Надеюсь, что описанные здесь события, переживания, связанные с ними, послужат читателю не бесполезным уроком в преодолении возникающих трудностей на жизненном пути.

Итак.

2008 год

Май

Звонила мама. Она разговаривала с Ниной, я был на работе. Нина рассказала, что мать поздравила меня с днем рождения. Сначала я удивился. Она ошиблась на два месяца. Впервые мама забыла дату рождения своего младшего сына. От этой мысли я едва сдержал слезы. Оказывается, даже материнская память способна забывать своих детей.

Декабрь

С младшим сыном мы собирались навестить маму в П-ре, заодно там порыбачить. Люблю зимнюю рыбалку, особенно на реке Суне. По пути мы планировали забрать из дома-интерната старшего брата Александра и оставить его на Новый год у матери. Все веселей им вдвоем будет.

Я обещал это брату при последней нашей встрече. Еще обещал постричь его. Вместо этого пришлось срочно организовывать похороны. Из дома-интерната по телефону сообщили, что Саша умер. И была первая мысль: «Бедная мама! Как она переживет смерть второго сына».

Вечером мы привезли тело в П-ро. Никто из друзей брата не помог в похоронах, даже не пришли на могилу проститься с ним. Вспомнилось мамино «у тебя не друзья, а собутыльники». Оказалась права.

Сидя у гроба, мама весь вечер проплакала. Ночью я заглянул в комнату. Сжавшись в комочек, она дремала возле гроба. Я боялся, что у нее остановится сердце. Бог миловал. Утром мама снова плакала. Воскресным днем брата похоронили, и мама стала путать события. Временами ей казалось, что ее Саша куда-то вышел, но скоро вернется. Тогда беспокойство в ее глазах наполнялось искорками надежды. Старший брат с детства был заводила и тот еще драчун. Мать всю жизнь за него боялась – и не напрасно.

В 57 лет брат несколько раз повторил:

– После шестидесяти лет жить дальше не хочу.

– Бравада, – думал я. – Во первых, ни один человек на свете не знает, сколько ему отпущено, а брат не похож на самоубийцу.

Так думал я тогда.

Брат умер в отмеренные себе 60 лет, и мне с того дня кажется, что в своем выборе он оказался сильнее бога.

На другой после похорон день мы навестили тетю Зину, последнюю мамину подружку с первых послевоенных лет переселения в Карелию по оргнабору. Так захотела мама. Тетя Зина жила в малюсеньком домике, в котором я никогда не бывал. Удивительно! Она, горожанка, переселившись в поселок, долго держала корову, кур. Когда я постучал в дверь и хотел войти в ее домик, из приоткрывшейся двери неожиданно на крыльцо выскочил здоровенный черный пес. Он оскалил клыки и злобно зарычал на меня. Я инстинктивно выбросил вперед руки, готовясь к нападению, но пес проскочил мимо и с остервенением набросился на маму, стоявшую сзади. Не ожидавшая нападения, мама неумело отстранялась от злобной твари. Я с трудом отогнал пса. С маминой кисти потекла кровь. Растерянные, мы вошли в домик тети Зины. В нос ударил запах пойла, приготовленного, должно быть, для скотины. Я огляделся. На чердак, подобие мансарды, вела некрашенная деревянная лестница с широкими ступенями. Там селилась старшая дочь, навещавшая тетю Зину в летнюю пору. Тяжелый запах и неухоженность царили в квартирке. Вот и все, что запомнилось тогда. Меня беспокоила мамина рука. В доме не нашлось бинта. Тогда я сбежал в машину за аптечкой, забинтовал ей руку. Тетя Зина все извинялась, затем суетливо взялась за кошелку:

– Хочу купить чего-нибудь к чаю.

Но я сказал, что мы заехали на минуту, потому что нам еще нужно собраться в дорогу. Я решил забрать маму в Петрозаводск. Тетя Зина уселась на стул. Я рассказал ей о смерти, похоронах брата. Рассказал в подробностях, потому что она хорошо знала его. Закончив, спросил:

– Мама говорила, что вы из Ленинграда?

В моей голове никак не укладывалось, как это городской человек может так прикипеть к сельской жизни.

– Да, я коренная ленинградка, – подтвердила она и взялась рассказывать: – Мне исполнилось 11 лет, когда началась война. Через несколько дней после ее начала папа зашел домой проститься. А вскоре где-то под Лугой погиб. Где похоронен, я не знаю. Мама в первые месяцы войны работала на ткацкой фабрике «Красная Заря». Потом работы не стало и ее сократили. Хлеб давали по карточкам. Норму все урезали. С нами жила наша бабушка. Мы на троих стали получать по 200 г хлеба.

Потом стали бомбить. Сначала мы спускались в подвал или, как его там называют, в бомбоубежище, а потом перестали. Мы жили на шестом этаже. Пока спустишься вниз, бомбежка уже прекратится. В наш дом бомбы не попали, а дом напротив полностью развалили. К тому времени мы уже ослабли. Поначалу бабушка варила нам какую-то похлебку из клея, примешивала в нее чего-то. Потом слегла. Я как-то собралась на улицу, бабушка говорит: «Зина, останься со мной». Я говорю ей: «Я сейчас бабушка, я скоро». Вернулась домой, она уже мертвая. Недалеко от нас располагался рынок. У нас были хорошие вещи. Чтобы как-то выжить, мама стала продавать их на рынке. Однажды нас забрали два милиционера. Привели к себе и сказали, чтобы нас они больше здесь на рынке не видели. Это какое-то вредительство было, ведь там торговали хлебом, который в магазине лишь по карточкам можно было получить, другими продуктами торговали. Когда возвратились домой, мама села на стул и заплакала. Она еще некоторое время ходила, потом слегла, как бабушка. Это было в марте. Помню, солнышко уже пригревало. Хорошо на улице, и мы с подружкой из нашего дома решили погулять. Снег в некоторых местах протаял до асфальта. В одном месте на нем даже сохранились выведенные мелком клеточки для игры в классики. Мы давай по тем клеточкам прыгать. Я прыгнула и не смогла удержаться на ногах, упала. Тогда стала прыгать подружка и тоже упала. Такие мы были слабые. Ручки, как прутики, кожа висит вся. (Тетя Зина оттянула рукав своей вязаной кофты, показывала, как висела ее кожа.) Потом мы пошли к сараю, за которым стоял дом. В нем до войны евреи жили. Дом одноэтажный деревянный. Вместо дома лежала огромная воронка, такая, как вот этот. (И тетя Зина рукой обвела пространство своего домика.) Глубокая воронка. А на дне воронки лежала голова молодой девушки с кудрявыми черными волосами. Голова вытаяла из-под снега. Трупов тогда было навалено кругом. Их подъедали. От голода люди занимались людоедством. Только это скрывалось. Рассказывали, что некоторые целыми бачками солили впрок человеческое мясо. Люди выносили покойников и оставляли, потому что тащить дальше сил не было... Так было тогда.

Когда я вернулась с улицы, мама мне говорит: «Зина, дай мне воды». Я принесла. Она отпила чуток, голова у нее откинулась. Я стала звать ее. Она не отзывается. Умерла. Я даже не испугалась. Страха уже не было. Вышла из дому, села возле сарая и думаю, куда же мне теперь идти. Меня тетя Маша, мамина родственница, увидела. Спрашивает: «Чего здесь сидишь?». Ну и взяла к себе. У нее было трое детей, и всех тетя Маша уморила голодом. И я бы у нее умерла с голоду. Но женщина с первого этажа нашего дома сказала тете Маше, чтобы она отвела меня в детский садик. У той женщины был сын, мой ровесник. Мы с ним даже дружили. Тогда ругали, если узнают, что кто-то из родителей своих детей голодом заморил. Привели меня в садик, налили чаю, хлеб маслом намазали. А я уже и есть не хочу. Мне говорят: кушай, Зина. Я чаю попила. Детишки детсадовские окружили меня и просят у воспитательницы: дайте мне, мне дайте ее хлеб доесть!

Тогда меня перевезли в больницу, и там я потеряла память, но оправилась. В больнице кормили хорошо. Так я выжила в блокаду...

Я забрал маму к себе.

Два дня она была безутешна. Потом как бы сама себе проронила:

– Где-то была моя сумка?

Сначала мы с супругой не обратили на ее вопрос внимания. Но на следующий день она спрашивала уже всерьез, и когда мы по очереди стали объяснять маме, что она не брала с собой сумку, мать сначала раздраженно, потом со злостью в голосе, а потом уже просто кричала:

– Вы что, считаете меня дурочкой?! – Принималась показывать, как по приезду в Петро-заводск она выкладывала из сумки полиэтиленовые пакеты со своими вещами.

– Это что же получается, я как нищенка с двумя пакетиками уехала из дома?! – Мама искренне верила в событие, которого не было. После этого она садилась на диван и устремляла мрачный взгляд в одну точку. Мы снова пытались объяснить, что когда собирали ее в дорогу, безутешную от горя, ей было все равно, во что сложили ее сменное белье. Скоропостижная смерть брата и связанные с похоронами хлопоты тогда измотали меня. Готовясь в обратный путь, мы укладывали мамины вещи в подвернувшиеся пакеты.

После таких объяснений мать как бы успокаивалась, потом наливалась новой злобой. Когда я в очередной раз пытался объяснить ей про эту чертову сумку, она срывалась на крик. Я видел, что мать запустила бы в меня чем-нибудь, будь у нее достаточно силы. Я не знал, что делать.

2009 год

1 января

После обеда мы с мамой поехали в церковь Екатерины Великомученицы, поставили свечи за упокой души старшего брата. Я купил ей иконку Святого Александра Невского. По дороге обратно она рассказывала, как умирала ее мать. Это случилось в 1936 г. Тогда маленькая еще мама ходила в церковь со своей бабушкой, молить бога о продлении жизни своей мамы. В школе узнали про это и тут же стали разбирать мамино поведение, даже «пропечатали» в школьной стенной газете, а когда пришло время, не приняли в пионеры.

– У нас в Бурге стояла такая красивая церковь, и ее сломали. Зачем, спрашивается, нужно было ломать? Все в нашем государстве делается как-то не так, – закончила свой рассказ мама.

Мне вспомнилась первая моя учительница. Вот она спрашивает нас, первоклассников:

– Кто из вас некрещеный?

Большая половина класса потянула вверх руки. Чувствовалось, Анне Ивановне некрещеные были симпатичнее. Помню, мы тогда с превосходством смотрели на тех, кто смиренно сложил руки на парту.

– Когда мы поедem домой? – между тем спросила меня мама.

Этот вопрос теперь я слышу каждый день.

– Завтра, – соврал я. Я очень быстро научился ей врать.

– Вот и хорошо, нужно ехать, — ответила мама.

Вечером к нам в гости заглянули наши друзья. Мы хорошо провели вечер. Мать сидела с нами. Потом как обычно проводили гостей до автобусной остановки. Стали укладываться спать. Вдруг дверь в спальную приоткрылась и заглянула мать. Глазами она нашла мою жену и с блуждающей на губах улыбкой сказала:

– Хоть ты меня и ненавидишь и хочешь, чтобы я завтра уехала, но назло тебе я останусь еще на две или даже три недели. – Сказала и закрыла дверь. Мы не знали, как реагировать на это. Жизнь превращалась в какую-то пытку.

На другое утро я с детьми уехал на рыбалку на весь день. Вечером мать снова заявила:

– Хочу вернуться домой!

Я согласился:

– Что ж, пусть будет так.

И мать успокоилась. Утром мы сидели на кухне. Она пила чай из блюдечка. Вид у нее был умиротворенный. Здесь в Карелии она полюбила чай. Потом вспомнила свою молодость, военные годы, о том, как после войны мой отец приехал за ней.

– Это произошло в 1942 г. на Волховском фронте. Наш госпиталь стоял под Выборгом. Подруги сказали, что в соседнем селе стоит часть и там организуют танцы. На танцах я и познакомилась с Иваном Ильичом. Встречались некоторое время. Потом госпиталь перекинули в другое место. Однажды фронтовая подружка попросила у меня адрес какого-нибудь солдата, чтобы написать ему письмо. Так у нас на фронте часто делали. Я дала адрес отца. Подружке пришел ответ, в котором Иван Ильич интересовался, откуда она узнала его адрес. Подруга ответила, что адрес дала Катя Васильева. И тогда Иван Ильич написал мне письмо. Мы стали переписываться. А в 1947 г. он приехал.

Я была на работе, сижу за столом и вдруг чувствую на своем плече руку. Обернулась. Он стоит! Через день пошли в ЗАГС и расписались. Саша, брат, уговаривал Ивана Ильича переехать в Бургу. Тот не согласился. В Карелии жил его отец. Они дом решили строить на месте сгоревшего в войну. Мой отец к тому времени умер. Мы уехали в Карелию. Мачеху я забрала позже. Она умерла в Карелии. Все хотела вернуться к себе в Добрую Волю.

Когда мой брат Саша приехал ко мне в гости, то Шура, младшая сестра Ивана Ильича, громко кричала: «Катя, брат приехал!».

Через пролив на лодке его перевезли к нам. «Катя, куда ты попала!» – шепнул брат мне, оставшись наедине. В доме вдоль стен стояли самодельные лавки и дощатый стол без скатерти. Позже с Иваном Ильичом мы съездили в Федоркову Луку (Новгородская область), привезли из отцовского дома венские стулья, комод, сундук, шкаф разборный. А когда переехали в Гирвас, Ивана Ильича перевели туда по работе, многие вещи оставили в Мунозере. Я хотела стулья забрать, но Иван Ильич говорит, пусть Шуре останутся.

А строились... Свекор Илья Михайлович говорит Ивану Ильичу: «Что же, без собственного дома помру». Мы жили тогда у Лумбиных. Их дом один из немногих уцелел в войну. У них семья – три человека: сестра Дуня, дочь ее Анна и сын Юра. Арестовы – Шура, Федор, их дочь Люся. Артуковы – Маруся, Илья, дети Эльвира с Володей, мы с Иваном Ильичом. У нас Саша к тому времени родился. И свекор. Вот сколько!

Мне пришлось ссуду в банке оформить. Золотые мамыны серьги заложила в ломбард. В Тереках купили недостроенный дом. Свекор с Иваном Ильичом разобрали его и по озеру плотом сплывили в Мунозеро. Поставили на месте сгоревшего в войну. Помню, со свекром в проемах стен стамесками пазы выбирали под оконные рамы, мох на болоте собирали, стены конопатили...

По возвращении в Карелию я отыскал могилы деда с бабкой. По карельскому обычаю их похоронили на острове, напротив исчезнувшей теперь деревни. Буйство травы и чаек на острове не описать. Отыскать могилы помог двоюродный брат. На дедовой могиле едва возвышался холмик. Бабушкина могила оказалась прикрыта большой каменной плитой. По плите и нашли.

Позже на могилах мы со старшим сыном установили два металлических креста с табличками.

Отыскал я и отчий дом. Стоит по сию пору! Врос в землю, обветшал, но стоит. Пережил деда, отца, церковь деревенскую, деревню пережил. Новыми хозяевами приспособлен под дачу. На двери замок, не войти в отчий дом. Вспомнились заложенные в ломбард бабушкины золотые сережки, доставшиеся маме по наследству...

На другой день мы с сыном увезли мать в Поросозеро.

«Что случилось с родным человеком?» – думал я, лежа на раскладушке в большой комнате родительской квартиры. Припомнился случай тридцатилетней давности. Еще была жива нянюшка (моя двоюродная сестра). Напротив их дома жила старушка с взрослым сыном. Та старушка ослепла, стала беспомощной. А сын-выпивоха однажды уехал куда-то. Уехал, а дверь входную запер на замок. Случилось это зимой. Через неделю обеспокоенные соседи сбили замок, отворили дверь и в ледяной комнате обнаружили на полу мертвую старуху. Пожеванное мыло нашли рядом.

Тот случай врезался в мою память, и вот почему. Когда после кладбища, где похоронен мой отец, мы навещали нянюшку, моя мама всякий раз забегала к той слепой бабушке. Приносила ей конфеты, печенье и возвращалась от нее всегда зареванная. Она искренне жалела немощную женщину, предугадав ее судьбу. Недаром мать вскоре после смерти отца избрали председателем профсоюзного комитета леспромхоза. Она сопереживала людской боли, чувствовала ее, 17 лет отстаивала права рабочих леспромхоза. Помню, мы с ней горячо осуждали того сына-подонка...

Ночью на старенькой раскладушке мне вдруг по-новому увиделась жизнь. А ведь мать в течение 30 последних лет своей любовью превратила старшего сына в свою игрушку и этим неумным чувством зачастую тиранила его.

Вспомнилось недавнее, как среди ночи мать с неподдельной злобой в голосе по поводу все той же пресловутой сумки выговаривала мне:

...я тебе сейчас в морду дам.

Бедная мама. Неужели она сходит с ума? Ужасно! Жена уже боится одна находиться с ней в квартире.

Весь следующий вечер я просматривал семейные альбомы в некогда таком родном доме. Давно забытые лица будоражили память. Я искал фотографию моего карельского деда, где он бородатый сидит на стуле и держит на руках среднего брата Володю (я еще не родился), которому от силы три года. Рядом стоят маленькие брат Саша, двоюродный брат Володя, а сзади всех двоюродная сестра Эльвира. Но как назло попадались фотографии с мест отдыха мамы. На них даты. Невольно я стал высчитывать года. Лишь в первый год после смерти мужа (нашего отца) мать никуда не ездила, а потом каждое лето отдыхала в санаториях, домах отдыха, пансионатах. Отдыхала подолгу вдали от дома. Когда мать уезжала, меня забирала к себе нянюшка и я жил у нее. Если старшие братья были не на учебе, то тогда мы проживали в нашей квартире втроем. Каждый вечер я бегал на вокзал к поезду встречать мать. Она не писала нам точных дат приезда. Очередной поезд в очередной раз уходил от станции, перрон пустел, и я брел домой, чувствуя себя безумно одиноким. Я безумно любил тогда свою мать. Люблю до сих пор. Но теперь это любовь к прошлому. Много лет я живу в кругу своей семьи. Помнится, в 1993 г. в феврале мы провожали маму в Карелию. Она целый месяц гостила у нас в Сибири. В дорогу снабдили ее изрядным количеством продуктов. Мать отказывалась, но я видел, в душе она довольна. На перроне передал ей немного денег. Мама сказала:

– Живите мирно, – и поцеловала меня.

Мне тогда стало до слез жалко ее. Мама, мама! Ужасное обнаружилось тогда. Во время твоего приезда неожиданно я почувствовал, что моя жена, дети стали мне дороже тебя. Жизнь отодвинула тебя в сторону. Ты, мама, перестала быть для меня самым дорогим существом на свете.

Многое вспомнилось мне в тот вечер из ушедшего детства, юности. Много из того показалось обидным. Почему-то стало искренне жаль старшего брата. Незадолго до своей смерти, будучи пьяненьким, он все твердил: «У матери уже едет крыша...».

Я резко одергивал брата за те слова, мысленно осуждал его.

Я осуждал того деревенского мужика, который много лет тому назад уморил свою беспомощную мать, закрыв ее на замок зимой в собственном доме. Много кого я осуждал и всякий раз пытаюсь осуждать в этой жизни. Но пришла мысль:

Время – мера истины. Из этой истины истекает библейское: не суди, да судим не будешь.

Исповедь атеиста

Однажды для себя я твердо усвоил: библия – это, чудесная, великая СКАЗКА-БЫЛЬ, которую придумали люди. Почему человек так любит сказки? Почему ему хочется обманываться? А может, благодаря сказке легче пережить суровые реалии жизни? Как бы там ни было, но можно лишь удивляться этому факту.

Я не крещен. Советское государство старательно растило нас атеистами. Это ему удалось.

Потом СУДЬБА показала свой оскал и раньше срока забрала среднего брата, за ним старшего. А ведь братья заменили мне рано умершего отца. Отчаянные были ребята, рождены не для мирной жизни. Воины!

Теперь, когда их нет рядом, до боли в сердце хочется верить, что есть, обязательно есть «тот свет», на котором мы сможем вместе все встретиться, обняться, как прежде, и больше уже никогда не разлучаться.

Блажен, кто верует!

Сентябрь

Вечером звонила мама. Она сообщила, что ей пришел счет за переговоры.

– Посчитала, я двадцать шесть раз разговаривала с Петрозаводском. Этого не может быть!

Не говорили ли твои дружки по моему телефону?

Я назвал своих друзей, кто мог зайти к ней.

– Нет, Саша не мог звонить по моему телефону, – отвечала мать. – И Валера ко мне не заходил. Но я не могла столько раз набирать телефон. Не могла! – кричала она в трубку. – Я теперь буду записывать все свои разговоры и потом проверю!

– Хорошо, записывай! – почти крикнул я в ответ.

– Буду записывать!

Каждый свой разговор она заканчивает денежными делами. Теперь объектом ее нападок стала Нина Павловна, бывшая подруга, у которой недавно утонул сын. Со слов мамы, та задолжала ей 3 тысячи рублей. Позже эту цифру она уменьшила до тысячи.

Но, прощаясь по телефону, мама, как и прежде, спрашивает, как поживают мои дети, Нина. Передает им привет и просит приезжать к ней в гости. Она ведь была необычайно гостеприимной. К ней всегда заходили люди на чай. Помнится, мой средний брат Володя однажды приехал из Украины с семьей. Прихватил знакомых показать Карелию. Мать распределила все спальные места в доме. Кормила-поила гостей каждый день по три раза. Позже рассказала мне:

– Я так однажды устала, что прилегла вечером на раскладушку и всю ночь проспала без матраса и одеяла.

Ей тогда уже было за 80.

А ведь гостеприимство, кроме всего прочего, требует огромного труда. В полной мере я почувствовал это, когда умерла мама.

Мама последним готова была поделиться, при этом не преследовала никакой корысти или выгоды. Она любила людей. Такими зачастую бывают испытавшие лихолетье войны.

Октябрь

Утром звонила мама. Слабым голосом сообщила, что ей плохо, вызывала «Скорую помощь». Потом сказала:

– Еще чуть полежу и встану топить печку. В доме холодно...

– А что, вам еще не дали тепло? – спросил я, встревоженный. В доме сохранилось централизованное отопление, установленное еще леспромхозом.

– Нет, – ответила она. Потом снова стала рассказывать, как забыла свой паспорт у Нины Павловны, ругала ее слабым голосом. Я просил ее сдать в понедельник анализы в больницу и взять направление в госпиталь для Ветеранов.

Мама капризничала, говорила:

– Поселковый терапевт ничего не говорила мне насчет путевки. Может, я и не поеду в госпиталь...

Меня разобрало зло.

– Тогда тебе больше путевки не дадут! – почти крикнул я в трубку.

– Вот как! – расслабленным голосом отвечала мне мама. Ей был в радость мой крик. Хоть так с ней разговаривают.

Потом я звонил социальному работнику, просил проследить, чтобы мать сдала анализы. Между прочим поинтересовался:

– А тепло дали в дом, где живет мать?

– Да, еще 1 октября, – ответила работница. – В ее квартире тепло, даже душно.

После таких слов меня захлестнула обида, но подумалось: **«Ведь, сгущая краски, мать хочет призвать меня к себе».**

Сегодня рано утром мама позвонила мне в Петрозаводск и сообщила:

– У меня нет денег! – И дальше в категоричной форме: – Когда ты приедешь?

– Я приеду в воскресенье.

– Сегодня у нас что?

– Пятница.

– Ну, за три дня я не схохну...

Я бежал под проливным дождем на родник за водой. Пронзила мысль: «Поселковый врач давно поставила маме неутешительный диагноз (старческое слабоумие) и всячески отстраняется от нее, как бы давая мне понять: занимайся своей матерью сам!».

Соседи тоже намекают на это. Мол, с ней небезопасно жить. Может сжечь дом. Одна Людмила, социальный работник, советует оставить ее дома:

– Она чисто плотная, решает кроссворды, обстирывает себя.

Да еще соседка Маша говорит, что матери лучше жить дома. У Маши есть опыт, долгое время жила со свекровью. Она знает, что говорит.

На машине я везу маму в Петрозаводск. Мама поминутно беспокоится о коте. Кот после смерти старшего сына для нее полноправный член семьи.

– Кто Рыжика будет кормить?

– Маша, соседка.

– А ключ мы кому оставили?

– Соседям.

– Ах, я с Марьей Трофимовной не попрощалась.

– Ничего страшного, мы еще не раз вернемся домой.

– Ох, цветы! Маша будет поливать?

– Да.

– Хорошие у нас соседи. Я всегда со всеми ладила. Знаешь, когда моя мама умирала, она говорила мне: «Катя, лучше бы ты умерла. Я бы тебя нарядила, как куколку. А то я умру, как тебе будет житься?» Мне тогда 12 лет исполнилось... Может, вернемся? Оставишь меня. Зачем я вам в Петрозаводске?хлопоты вам доставлять буду.

Я объясняю:

– Мы освободили тебе спальную комнату. Внук взрослый, без лишних слов перешел в гостиную, перенес туда свой любимый компьютер. Не беспокойся. Найдем тебе еще в Петрозаводске бодренького старичка. Будете жить да поживать.

– Да уже теперь не надо никакого старичка, ни хорошего, ни плохого. Когда Иван Ильич (отец) умер, мне предложение делал Юрий Александрович. Помнишь его?

– Они, кажется, в Аконъярви жили.

– Да он мастером в лесу работал. Высшее образование. Выпивать, правда, любил. Настя с детьми уехала, а он остался. Один жил, пообносился, голодный. Наш Саша привел его. И он мне предложение сделал. На 10 лет меня моложе был. Я отказала. Он после этого уехал к Насте в Красноярский край.

– Она что, из Сибири?

– Да. Потом Настя писала оттуда: Юра утонул в Енисее. Вот и Вова наш (средний сын) уехал на Украину и лежит там, в земле, один. Я ему, когда он уезжал, говорила: «Вова, оставайся. Ты же родился здесь. Я помогу тебе гражданство оформить». А он подумал и отвечает: «Мама, у меня там семья». Уехал и пропал.

По дороге мы вспоминали Сашу, как он умер. Мама корила себя, что не оставила его дома, когда был выбор. Я успокаивал ее, как мог, говорил:

– Он бы и дома пил.

Мама соглашалась, вздыхала, снова и снова корила себя:

– Плохая я мать! – Вдруг забеспокоилась: – Как ты видишь дорогу? Устал, наверное.

– Нет, привык уже за свою жизнь рулить, – успокаивал я ее.

– Мы же Нине ничего не купили!

– Приедем в город, чего-нибудь придумаем...

По приезду в Петрозаводск обнаружил: ручные часы старшего брата, повисевшие на стене целый год, вновь ходят. Мистика какая-то! В декабре 2008 г., когда я его забирал из Н-ого дома-интерната, чтобы похоронить рядом с отцом, стрелки часов, снятые с его руки, остановились. Металлический браслет часов с внутренней стороны странным образом окислился. А ведь часы братом были куплены перед самой смертью. Я решил сохранить их, как память, и вдруг они пошли¹

¹ Шли ровно год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.